

Илья Асин

Асин Илья Николаевич (псевдоним, настоящая фамилия – **Плохих**) родился 25.05.1965 в Свердловске. Окончил энергетический факультет Челябинского политехнического института. В 1995 г. поступил на заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (мастерская Н. Старшинова). Публиковался в журналах «Московский вестник», «Знамя», «Новый мир», «Брега Тавриды», «Бельские просторы» и др. Стихи для детей публиковал в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки» и др., в сборниках издательств «Эгмонт», «Махаон», «Стрекоза», «Детская литература». Участник АСУП-1 в составе группы «Среда». Живет в подмосковном поселке Селятино. Работает редактором.

Филологическая маркировка стихов И.А.

Традиции, направления, течения: постмодернизм, натурализм, примитивизм.

Основные имена влияния, переключки: А. Барто, К. Некрасова, А. Еременко.

Основные формальные приемы, используемые автором: зооморфная метафора, перекрестная рифма, трагическая ирония, сентиментально-детский подход к оценке созданных образов, кинематографический монтаж метафор.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: бренность бытия, равнодушие внешнего мира по отношению к лирическому герою, мотив обреченности и безнадежности бытия, тема смерти, аллегория. Нередко герои стихотворений – животные (крыса, комар, клоп и т.д.). Лирический герой – среднестатистический человек, обиженный и тайно возмущенный своей невовлеченностью в масштабные процессы природы.

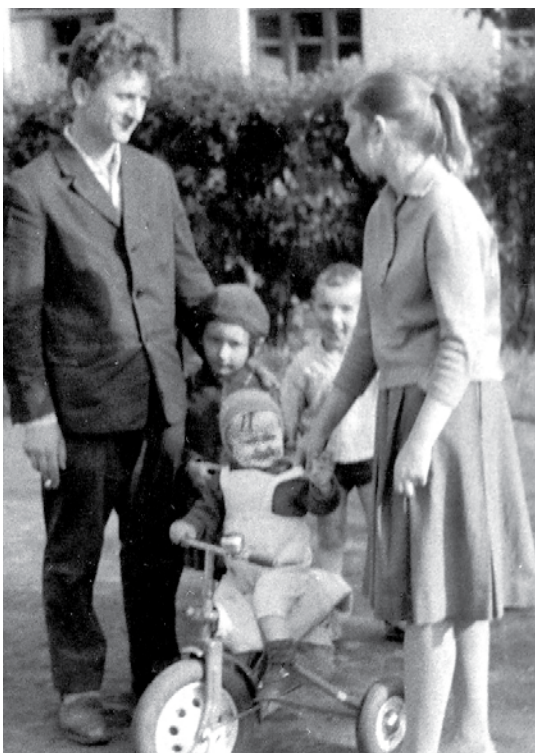
Творческая стратегия: преодоление экзистенциального холода посредством творчества.

Коэффициент присутствия: 0,1

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в Свердловске 25 мая 1965 года. Мои родители – Галина Петровна и Николай Алексеевич Плохих – познакомились и поженились во время учебы в Свердловском горном институте. По специальности они – геофизики. Ко времени моего появления на свет у меня уже была сестра Лена. Отец заочно окончил аспирантуру, защитил диссертацию, и вскоре мы переехали в Челябинск. Отсюда и начинаются мои воспоминания. Помню дом по адресу: ул. Свободы, 149, беседку во дворе, булочную напротив, кинотеатр им. А.С. Пушкина и премьеру в нем фильма «Джентльмены удачи», магазин «Юный техник», паровоз у ДК железнодорожников (мы, мальчишки, умели протискиваться в его кабину и даже топку, хотя все возможные лазы были заварены), запах отсыревшей штукатурки в арке. Из самого раннего – портрет Гагарина над детским столиком, мои слезы в связи с его гибелью и новостью о смерти всех живущих.

Дом, где получили квартиру мои родители, принадлежал Челябинской геологоразведочной экспедиции. Его жильцы хорошо знали друг друга, многие дружили между собой. Мне запомнился ветеран уральской геофизики Николай Васильевич Хохряков. Он последовательно обходил

Галина Петровна и Николай Алексеевич Плохих, их дети – Елена и Илья (на велосипеде)

дом, сначала занимая деньги на спиртное, а потом возвращая их – с аванса и в получку. Приходя к нам, садился на табуретку посредине полупустой кухни и что-то подолгу говорил простуженным (видимо, «в поле») голосом. Мои молодые родители были терпеливы к его визитам. В целом, нас окружали совсем не буйные и деликатные люди, советская техническая интеллигенция. На втором этаже в нашем подъезде жила семья будущего поэта Бориса Рыжего. Я хорошо помню его бабушку Евдокию Сергеевну и сестер – Лену и Олю. В 1973-м наша семья выросла: родился брат Саша. И через год мы переехали в новую 9-этажку в другом конце города.

Много моих воспоминаний связано с местами, где выросли мои родители, – поселком Островское в Костромской области – отсюда родом мама – и папиным Карабашом. Он для меня – это не только «газ» с медеплавильного комбината и выжженная им Золотая гора, но и походы с дедом – Алексеем Александровичем Плохих – в лес и на окрестные озера. По ягоды-грибы мы ходили мимо «Смолокурки», где выросла моя бабушка – Александра Константиновна. От промысла к тому времени там остались лишь пятна бурьяна на берегу таежного ручья с желтоватой водой. Еще были домик и лодка на Увильдах. Поездки туда были нечастыми, но долгожданнами и запоминающимися. Дед Лёша прошел войну в составе Уральского добровольческого танкового корпуса – от Курской дуги до Праги, через Берлин.

В Островском ждала обычная среднерусская природа. Она начиналась прямо от крылечка бабушкиного дома – травой во дворе, куриным пометом на ней, червячками под вросшими в землю досками, жуками, бабочками, стрекозами и прочей мелочью, роящейся над зеленью деревенской улицы. Помню крючки и грузила в пахнущем серой спичечном коробке, посыпанные сахарным песком плюшки из русской печки, корявые буханки вкусного ржаного хлеба в сельмаге, кино «Вий» на вечернем сеансе в полупустом клубе, гвалт галок, устраивающихся на ночлег в ветвях больших берез за оврагом. Моя бабушка Александра Васильевна Валикова овдовела в 1942-м, оставшись с пятью дочерьми и мизерной пенсией за считавшегося без вести пропавшим мужа, Петра Гавриловича. Он погиб под Сталинградом.

Так что назвать себя горожанином «без страха и упрека» не могу.

Я был не первым в нашей семье, кто попробовал писать стихи. И сейчас помню наизусть басню, сочиненную отцом по школьному заданию для сестры, которая тоже рифмовала. Первое свое стихотворение я написал в десять лет, потратив на это целую ночь (хорошо, что были каникулы). Стишок вышел фелъетонно-экологическим, похожим на те, что печатали тогда в журнале «Крокодил». Он тоже есть в моей памяти. Тем, правда, все тогда и закончилось. Становиться поэтом

Елена и Илья Плохих. Брат и сестра

я не собирался. Хотя плюшевому медвежонку-версификатору симпатизировал. Книга «Винни-Пух и все, все, все» так и осталась у меня одной из самых любимых.

В пятом или шестом классе, зайдя на урок, увидел на доске примерно такую надпись, сделанную рукой молодой учительницы русского языка: «Александр Пушкин, Лев Толстой, Иван Тургенев, Илья Плохих». (В тот день на уроке проходили фамилии). Это зародило во мне некоторые предчувствия.

В детстве читал я сравнительно мало, лишь избранные мною книги. Зато они смаковались и штудировались мною непрестанно. Одна из них – «Маленькие дикари» Э. Сентона-Томпсона, другая – «Жизнь и ловля пресноводных рыб» Л. Сабанеева. Ежемесячный журнал «Юный натуралист» замыкал круг моего чтения.

Меня определенно тянуло к естествознанию. Спасибо родителям за коллекцию минералов в нашем серванте, огромный географический атлас на пианино (сестра училась в музыкальной школе), микроскоп на столе и телескоп на крыше (впрочем, он появился позже, в стихотворении). Книга «Обмен веществ у человека» до сих пор не сдана мною в одну из библиотек Челябинска.

В седьмом классе я увлекся легкой атлетикой, а в десятом стал чемпионом города среди старших школьников по бегу на 200 и 400 м, хотя, кроме моего энтузиазма и профессионализма тренера Елены Петровны Боровинских, предпосылок к этому не было. Благодаря спорту я не начал курить. Пить начал, но позже.

Экзамены по химии и биологии при поступлении в пединститут я сдал на пятерки, а за сочинение получил «тройку» и не добрал полбалла, требовавшихся мне, чтобы стать тренером или учителем физкультуры. По совету отца подал документы и поступил на вечернее отделение энергетического факультета Челябинского политехнического института, и бросил учебу уже через месяц. Но, отслужив два года на памирской погранзаставе, восстановился.

И. Плохих, А. Самойлов, А. Подушкин,
бывшие участники группы «Среда», 2006 г.

От наполнивших мою жизнь ТОЭ (теоретические основы электротехники) и сопроматов меня потянуло на «лирику». Или это времена были такие: новые старые книги, барды и «русский рок». «Кино» и «Наутилус» звучали из каждой общежитской комнаты. В ЧПИ приезжали с концертами Юрий Наумов и Петр Мамонов, в «Монолит» – Майкл Науменко. Когда мне в руки попала пленка с песнями Башлачева, я слушал ее бесконечно – на заработанном в стройотряде катушечном магнитофоне. С какого-то момента и у меня начали складываться стихи, сами собой. Они нравились моим друзьям и мне тогдашнему. Но те, что дороги мне сегодня, появились позже – году в 1993-м.

К тому времени я уже отработал два года инженером-наладчиком на Магнитогорском металлургическом комбинате, вылечился от заработанного там туберкулеза и устроился электромонтером-ремонтником на челябинский городской водозабор, в Сосновку. В какой-то мере она стала для меня тем же, чем был Безбродовский заказник для Саши Соколова, автора чудной книги «Между собакой и волком».

В 1994-м в поисках товарищей по литературным интересам я отправился в ДК ЧТЗ, где в то время собиралось объединение «Культурный бульон». С первого раза я никого не застал: собрания проходили раз в две недели. Но на доске объявлений в фойе была прикреплена кнопками газетная вырезка (из «Челябинского металлурга», кажется) со стихами некоего Андрея Подушкина: «Копшились крабы/у прибрежной глыбы,/поедая жабры/у протухшей рыбы...» Хмыкнув («как у меня»), я вышел на улицу, а через неделю приехал снова. По взгляду встретившегося мне в дверях комнаты, на которую указала вахтерша, человека я сразу определил в нем автора процитированного выше стихотворения и не ошибся. Внутри меня в тот день ждали Саша Самойлов, Софья Попова (позже мы стали «Средой»; в одноимен-

ном сборнике 1996 года присутствую как Илья Асин), Игорь Бакин, Вадим Рева, Ольга Сергеева и другие молодые люди, с которыми мы много и весело общались до зимы 1997-го.

В 1995-м я поступил на заочное отделение Литинститута. «Мне неблизко то, что вы делаете, но я вижу, что это может быть интересным», – сказал Николай Старшинов, мастер нашего семинара. Позже я перевелся в другую мастерскую. Но в этом также не было ничего личного. Николай Константинович был достойным человеком, и я вспоминаю его с благодарностью.

Очень значимым для себя считаю знакомство с Сергеем Ивановым и Романом Сефом. Семинар, который они вели в Литинституте, был «детским». Но читать там можно было все, что угодно, кроме неинтересного. Сергей Анатольевич помогал всем своим студентам. Он заставил меня отнести стихи в «Знамя» (а «Знамя» заставил их напечатать) и настоял, чтобы я восстановился в институте, когда на третьем курсе я бросил учебу. В декабре 1999-го Сергей Иванов погиб. С друзьями по семинару мы каждый год бываем у него на кладбище. А с 2009-го ездим и на вторую могилу: на ее гранитной плите выбиты строчки стихотворения Романа Сефа из цикла, посвященного Николаю Заболоцкому.

Я тоже люблю Заболоцкого. Кроме товарищей по «Среде», на душу легли также Давид Самойлов, Юрий Левитанский, Леонид Мартынов, Николай Рубцов, Геннадий Шпаликов, Борис Рыжий, Николай Штромило. Это не значит, что не могу (в смысле «не хочу») назвать других имен. Всегда радуюсь, сталкиваясь с проявлениями таланта, творческой удачи или даже мастерства. Но не менее того.

Иногда пишу стихи для детей. Разумеется, безо всякого сюсюканья. Желание заниматься этим пришло не только через Сефа и Иванова, но и от мысли найти мирное применение своему ерничанью путем трансформации его в игру.

Прошло 15 лет с тех пор, как я уехал из Челябинска. Последние шесть лет живу в подмосковном поселке Селятино. У меня растет дочь. На жизнь зарабатываю редакторским трудом. Стихи пишу редко, но иногда это случается и сегодня.

Время от времени ко мне навевается из своего Ногинска А. Подушкин, примерно раз в три года – с новой книжкой. В ответ похвастаться мне нечем. Но, может быть, в следующий раз...

Мои взрослые стихи публиковались в журналах «Московский вестник», «Знамя», «Новый мир», «Брега Тавриды», «Бельские просторы» и др. Стихи для детей печатались в журналах «Мурзилка», «Веселые картинки» и др., сборниках издательств «Эгмонт», «Махаон», «Стрекоза», «Детская литература». Отдельную книгу моих стихотворений подготовило к печати литературно-издательское агентство «Сова». Жду ее выхода.